

Случайныя замѣтки.

Письмо М. Горькаго въ „Рус. Словѣ“ можетъ разсматриваться, какъ симптоматическое явленіе.

Оно свидѣтельствуеетъ о начавшемся оздоровленіи нашей общественной атмосферы.

Еще недавно передѣлки романовъ Достоевскаго для сцены нравились, потому что настроеніе ихъ подходило къ общему настроенію.

Среди больныхъ вполне естественъ разговоръ о болѣзняхъ.

Но теперь мы, кажется, уже выздоравливающіе.

А для человѣка выздоравливающаго разговаривать о болѣзни, отъ которой онъ избавляется, непріятно.

Ему хочется говорить о здоровьи, видѣть веселыхъ, здоровыхъ людей, смотрѣть на оживленную уличную толпу.

— Какъ надоѣло валяться въ больницѣ, — говоритъ онъ.

И его не тянетъ идти въ больницу осматривать ее, хотя бы и подъ руководствомъ компетентнаго человѣка, который разъяснитъ ему разныя болѣзни.

— Охъ, болѣзни, много я ихъ видѣлъ, — скажетъ онъ.

Нужды нѣтъ, что онъ ихъ видѣлъ, — онъ можетъ быть ихъ не понялъ; но пока они не интересуютъ его.

Между тѣмъ, вѣроятно, понять ихъ не бесполезно и для него самого и для тѣхъ, кто его окружаетъ, потому что вѣдь люди подвержены болѣзнямъ.

Конечно, когда онъ совсѣмъ выздоровѣетъ, онъ отнесется уже спокойно и съ интересомъ и къ больницѣ и къ болѣзнямъ.

Достоевскій — пѣвецъ больного общества. Никто такъ ярко, съ такимъ мастерствомъ не изображалъ болѣзненныхъ сторонъ нашей жизни.

Онъ прекрасно понималъ болѣзни, но не понималъ здоровья и постоянно ошибался въ опредѣленіи того, какъ лечить болѣзни.

Въ этомъ слѣдовать за нимъ нельзя, его леченіе могло лишь усиливать болѣзнь.

Полезенъ онъ или вреденъ въ чтеніи и на сценѣ?

Лично я думаю, что вредныхъ книгъ нѣтъ, есть только плохія, потому что книга, во всякомъ случаѣ, будитъ мысль, даже и тогда, когда возмущаетъ.

А книги Достоевскаго, если иногда и возмущаютъ, то гораздо больше освѣщаютъ.

Освѣщаютъ нашу печальную, болѣзненную жизнь.

Вѣдь вотъ и М. Горькій изъ Достоевскаго извлекъ характеристику нашей больной общественной жизни, которую онъ даетъ въ своемъ письмѣ.

„Кармазовщина“ — это слово стало типическимъ для опредѣленія широко распространенной болѣзни нашей общественной жизни.

„Бѣсы“ — произведеніе блестящее, но въ немъ такъ много Достоевскаго-врача, не различающаго хорошо здоровья, что въ этомъ романѣ труднѣе отдѣлять плевелы отъ пшеницы, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ его романѣ.

Дирекція Художественнаго театра утверждаетъ, что въ пьесѣ „Николай Ставрогинъ“ удачно продѣлана эта операція.

Но, во-первыхъ, сомнительно, можно ли такъ кромсать Достоевскаго, а во-вторыхъ, и послѣ этого, конечно, пьеса осталась изображеніемъ болѣзни.

Той болѣзни, отъ которой мы освобождаемся, — изображеніемъ больной, исковерканной исторіей русской общественности, потрясающе воспроизведенной великимъ психологомъ — клиницистомъ.

Да, мы отъ болѣзни какъ будто освобождаемся, но еще долго, вѣроятно, вполне не освободимся. Только теперь, въ данный моментъ мы чувствуемъ особенный приливъ здоровья.

И болѣзненные изображенія Достоевскаго начинаютъ насъ непріятно бить по нервамъ, мы отвращаемся теперь отъ нихъ.

Какъ сообщаютъ газеты, Художественный театръ собирается возражать М. Горькому. Возможно, что при этомъ онъ скажетъ и много вѣрнаго.

Но, несомнѣнно, что М. Горькій въ своемъ протестѣ противъ передѣлокъ изъ Достоевскаго отразилъ имѣющееся — и къ лучшему — настроеніе общества.

Художественный театръ этого измѣненія не замѣтилъ. Можетъ быть потому, что оно проявилось быстро.

Когда онъ принималъ пьесу „Николай Ставрогинъ“ общество еще переживало острый припадокъ болѣзни.